

Эдуард
Грабовенко

Церковь — открытый дом

Эдуард Анатольевич Грабовенко

Церковь – открытый дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70956076

ISBN 9785006436985

Аннотация

Новая книга епископа Эдуарда Грабовенко о глобальной и глубокой миссии церкви, героях веры и малоизвестных проповедниках и пасторах. Епископ обращается к тому поколению служителей, которые сохраняют преемственность и готовят платформу для молодёжи. Автор побуждает читателей сделать открытыми свои церкви, чтобы принять как можно больше спасаемых.

Содержание

Мальчик, который возил Воронаева	6
Фарисейство – монополия на спасение	13
Внутренние границы мешают миссии	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Церковь – открытый дом

Эдуард Анатольевич Грабовенко

Дизайнер обложки Антон Банников

© Эдуард Анатольевич Грабовенко, 2024

© Антон Банников, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-3698-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новая книга епископа Эдуарда Грабовенко о глобальной и глубокой миссии церкви, героях веры и малоизвестных проповедниках и пасторах. Епископ обращается к тому поколению служителей, которые сохраняют преемственность и готовят платформу для молодёжи. Автор побуждает читателей сделать открытыми свои церкви, чтобы принять как можно больше спасаемых.

Чтение этой книги займёт у вас максимум два часа. Если вы разделяете миссионерское видение церкви о проповеди Евангелия, приготовьтесь к тому, что это займёт у вас всю

ЖИЗНЬ.

Посвящается моей маме Анне Ильиничне
Грабовенко, которая всегда молилась за меня
и вдохновляла.

Мальчик, который возил Воронаева

Когда Иван Воронаев начинал служение, – Бог призвал его, и он приехал на Украину, – то многие баптистские и православные прихожане и священнослужители получали крещение Святым Духом и переживали Пятидесятницу. Он шёл ко всем, не взирая на лица, нёс послание Пятидесятницы, горел огнём проповеди.

Мальчиком, лет в восемь-девять, в Кривом Роге я услышал от одного старца историю о том, как он был возницей у Ивана Воронаева. Это было в Николаевской губернии, в районе Нового Буга. Иван Воронаев ездил из посёлка в посёлок, из деревни в деревню зимой на санях. Приедет

в деревню, помолится, едет в другую деревню. Этот старец был тогда пацанёнком, родители отправили его возить Воронаева. Как-то возница и его спутник проехали всю ночь, а под утро проповедник спросил: «Есть ещё рядом деревни?» В пяти километрах была деревня, но возница слишком устал и не хотел туда ехать: «Нету больше деревень». Прошли годы, пришла перестройка, во многих деревнях Николаевской области открыли евангельские церкви. Но в одной деревне не смогли ничего сделать – и это была та деревня, в которую возница не повёз Ивана Воронаева.

Свидетельство это я запомнил будучи ребёнком. И подумал: «Насколько сильно было желание, страсть, посвящение, огонь у Ивана Воронаева».

К священнику заезжал, ночевал у него, утром уезжал – священник был крещён Духом Святым. Для него не были важны национальность и обрядность, он нёс послание. Только послание веры и сила молитвы совершают чудеса.

Когда мы приехали в Пермскую область, мы ездили в колонии. Открылись двери в тюрьмах, и можно было проповедовать. Нам дали на один год автобус ПАЗ. У Сергея Мельничука были права на грузовик, поэтому он водил автобус. Мы тоже водили, но у нас не было прав. В поездку отправлялись на неделю. Тогда ещё моста через реку Чусовую не бы-

ло, а дорога представляла собой местами асфальт и грунтовку. Переправляемся на пароме, едем мимо Полазны – молюсь за Полазну, едем мимо Добрянки – за Добрянку молюсь, в Березниках – за Березники. И дальше – Соликамск, на обратном пути – Чусовой, Кунгур. За города, где ещё не было церквей, а только колонии рядом. Молимся за город, благословляем. Прошли годы, я потом вспомнил: оказалось, там, где мы молились, образовались церкви.

Меня вдохновляет посвящение Воронаева: страсть по Богу, желание исполнить Его волю, нерушимая вера творят сильные чудеса

Не думаю, что Воронаев при жизни увидел такой результат своего труда, о котором мечтал. Но его посвящение дало колоссальный плод, его вера оказала огромное влияние, потому что суть его труда была в послании. Нашему поколению надо больше сосредоточиться на послании, а не на форме.

У моего отца в шифоньере висело много галстуков, а на воскресные собрания надевать галстуки не приветствовалось. Но он их хранил для меня, потому что понимал, что формы меняются, а послание остаётся. Удивительно, мы стали носить галстуки, но сейчас, похоже, я последний, кто в галстук проповедует.

Мы обращаем внимание на внешность. Нам надо, чтобы

человек был понятен. Был одет соответственно нашему стандарту, проповедовал – как нам надо. И разочаровываемся, если кто-то не соответствует нашему пониманию проповедника, учителя, пророка или апостола. Но жизнь показывает, что есть разные формы и они не так важны, как истина. Если мы это поймём, то, наверное, и для молодёжи откроем больше перспектив. Будем больше понимать и меньше воевать друг с другом.

В церковь пришло много ревностных и искренних молодых людей, которые готовы много делать.

Мы сами, спустя 70 лет воинствующего атеизма, были первым поколением, которое вкусило свободу. Свобода открыла перспективы. Я служил в армии, когда родители приехали ко мне и рассказали, что почти все знакомые решили эмигрировать. Верующие не верили, что свобода надолго, боялись преследований в Советском Союзе. Родители приехали со мной посоветоваться. «Что ты думаешь?» – спросила мама. И я им говорю: «Слушайте, это хорошая идея. Все едут, и, конечно, вы заполняйте анкету. Я вас буду навещать, но я останусь». Мама спросила: «А почему?» Я ответил: «Сейчас перестройка, такая возможность». На самом деле, это было лишь веяние свободы, мы только начинали её вкушать. В 1986 году мы отправлялись в первые евангелизации, нам разрешали собираться в клубах, мы стали прово-

дить большие служения, водные крещения. В Одесской области собирались тысячи людей.

«Я буду проповедовать, потому что такое время, такая возможность появилась». Мама посмотрела на меня: «Мы тогда тоже не поедem». И мы были одна из тех немногих семей, которые не уехали.

Через несколько лет я приехал в церковь Кривого Рога, где у меня были родители. Я увидел, что молитвенный дом человек на семьсот полный. Церковь состояла из новообращённых людей. Большая часть людей эмигрировала, но пришли новые люди, которые покалялись.

Иван Ефимович Воронаев

Иван Воронаев был расстрелян по постановлению «тройки» НКВД в 1937 году.

Владимир Иванович Франчук, пастор, профессор Евангельской Теологической семинарии, почти тридцать лет занимался историей пятидесятнического движения Украины и России. К 90-летию служения Ивана Воронаева у Владимира Франчука вышла книга «Пробуждение: от центра Одессы до окраин России», в которой автор описал, в том числе, последние годы жизни одного из основателей евангельского движения.

Владимир Иванович пишет, что после второго ареста осенью 1936 года Ивана Воронаева из Калуги этапировали в Москву. Он стал одним из главных обвиняемых по делу о Московской общине, по которому проходило 100 человек. В марте 1937 года Особым совещанием при НКВД его приговорили по ст. 58 к 5 годам тюремного заключения в особой Мариинской тюрьме НКВД.

Владимир Франчук исследовал 14 томов дела и продолжил писать запросы в федеральные органы. В 2005 году пришло письмо из ФСБ РФ: «Ваше обращение в отношении Воронаева (Черкасова) Ивана Ефимовича, посту-

пившее из Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации внимательно рассмотрено в Управлении регистрации и архивных фондов ФСБ России. Сообщаем, что по информации, полученной из Информационного центра Главного управления внутренних дел Кемеровской области, Воронаев (Черкасов) Иван Ефимович (Никита Петрович) по постановлению „тройки“ УНКВД Новосибирской области от 2 ноября 1937 года „за контрреволюционную агитацию“ приговорён к высшей мере наказания – расстрелу, что исполнено 5 ноября 1937 г. ... Информацией о месте захоронения Воронаева (Черкасова) Ивана Ефимовича (Никиты Петровича) не располагаем».

Ивана Ефимовича Воронаева расстреляли 5 ноября 1937 года.

Фарисейство – монополия на спасение

Церковь должна быть понятной для людей, которые живут вокруг нас. Мы в силу сложившихся стереотипов часто не можем представить нашу работу обществу. Это ложный страх, основанный на детских воспоминаниях. Я помню, меня вызывали к директору школы, что-то говорили о сектантах и шпионах, пытались переубедить, потом запугать. Это до сих пор накладывает отпечаток. Мы делаем большую социальную, духовную, нравственную работу, а опыт прошлого мешает рассказать об этом. Молодёжь, рождённая в свободе, лишена этого страха, они не боятся дать отчёт обществу о своей вере. Они готовы нести послание веры, и нам не нужно удерживать их от этого.

Когда я приехал в Пермь и встретился с местными верующими, рассказал, что я приехал открыть церковь – одни меня поняли, а другие спрашивали: «А зачем тут ещё одна церковь?» Они не понимали, что на миллионный город может быть ещё церковь.

Мне запомнилась одна встреча того периода. На улице Ленина я встретил человека, которому было 77 лет, я рассказал ему о Христе. Он ответил мне: «Никто и никогда не рассказывал мне то, что ты мне рассказал». Я рассказал об этой встрече местным служителям, на что мне ответили: «Мы не верим, что есть такие люди, которые никогда не слышали о Христе?» Может быть, о Христе слышали, а о спасении не слышали.

Мы создали субкультуру, свой круг общения, окружили себя людьми, поддерживающими наши взгляды, обрядность, традиции и осуждаем других. А вместо этого нам надо понять время, суть послания, и двигаться в этом. Потому что если мы это не поймём, то рискуем застрять в духовном консерватизме, фарисействе, которое не даст Духу Божьему двигаться как Он хочет.

Мы христиане, застрявшие в прошлом

Простой пример: когда молодые заводят детей, старшее поколение считает, что молодёжь за ними не так ухажива-

ет, не вовремя кормит, слишком легко одевает на прогулку. В нашей семье были такие споры. Мы читаемся книжек, что надо каждые четыре часа детей кормить. Пацаны кричат, родители зайдут: «Что же вы их не кормите?» – «Только покормили, полтора часа назад». «Так вы что, вообще, сумасшедшие родители? Кормите их!» – «Вот положено, четыре часа». Пока потом сами не поняли, что надо всё-таки кормить, потому что они есть хотят.

Старшее поколение ценно тем, что они могут вовремя подсказать, поделиться опытом, научить, а молодое поколение шишки набивает. Мне бы очень хотелось, чтобы была преемственность поколений. Чтобы мы, создавая платформу будущего, смогли предоставить детям максимальные возможности. Чтобы опыт и знания накапливались и приумножались новыми поколениями.

Жизнь доказала, что верным решением для пасторов было благословить нас на служение. Пастор Иван Данилович Трюхан в 67 лет был с прогрессивным мышлением, доверял молодым. И он поднял молодых служителей, дал им возможность состояться в служении. Те, которые не давали – пережили разделения. Когда молодёжь уходила, было много боли. Я видел, как служители ущемляли своих же детей, которые их любили, которые им доверяли. Немножко другие формы прославления вносили болезненные разделе-

ния в церкви. Они могли как семья встретиться за общим столом, а как верующие поклонялись в разных местах. Они не переставали быть родными людьми, но перестали быть родными в Боге. Это печально.

Самое печальное, что формы служений возвели в доктрины, абсолютизировали традиции. Сколько церквей и сейчас верит, что только они спасены. «Не всякий, кто призовет имя Господне, не всякий, кто будет крещён, не каждый, кто исповедует Иисуса Христа Господом и Спасителем, а только вот такой как я, по моей форме служения будет спасён». Вот это, наверное, самая большая опасность – абсолютизировать свои взгляды.

По этому поводу существует много неканонических притч. Люди спаслись, пришли на небо, а кто-то ведёт их мимо одного зала: «Тише! Тише!» – «Почему?» – «Потому что тут сидит группа верующих, которые верят, что только они одни спасены». Радоваться и ликовать нельзя, чтобы эти люди не разочаровались.

Мы будем удивлены, увидев на Небесах наших соседей – братьев из соседней церкви, которые, оказывается, тоже верили во Христа и спасены. Просто поклонялись немножко по-другому. Музыка была шумнее или, наоборот, сильно религиозная. А окажется, что они искренние и любящие Гос-

пода люди. Господь смотрит на сердце.

У нас есть евангелисты, которые проповедуют людям разных субкультур. Мы их вообще не понимаем. А я общаюсь с этими людьми, и я восхищаюсь их верой, я восхищаюсь их искренностью: «Надо же! Вот он идёт туда, к этим людям, проповедует им, а я туда пойти не смогу. Да меня там и не примут, и за своего не посчитают». А они проповедуют байкерам, рокерам, и их за это критикуют на чём белый свет стоит. Но не смотрите на то, что они в кожаных одеждах ходят. Вот самый хороший пример, – Захарий, – когда сын у него родился, в кожаных одеждах ходил. Питался не как все остальные, иначе служение проводил.

Если бы Иоанн Креститель в наше время жил, тоже не от мира сего бы был. Он приготавливал путь Господу, а папа был священник, папа ходил в священнических одеждах, у папы служение отличалось от служения сына. А знал ли отец, что это дитя, рождённое по откровению от Господа? Потому что ответ-то был Божий. Да знал, конечно. И мама это знала. Но сын был другим, я бы сказал, противоположных взглядов. Очень радикальных взглядов, в отличие от отца, который был степенным, в храме молился. Был ли отец благочестивым? Очень был благочестивым! А о сыне что пишут? Мученик за Христа, который жизнь свою отдал. А где он? Да в Царстве Божьем. Так он же был

другой? Да неважно это! Послание-то осталось, суть-то осталась.

Внутренние границы мешают миссии

Короткий период после Октябрьской революции, благоприятный для проповеди Евангелия, быстро закончился. До 1929 года государственная политика в отношении протестантов была мягкой: разрешали выпускать печатные издания, открывать учебные заведения, объединяться в союзы.

В этот короткий период Иван Воронаев заложил такое мощное основание для церкви, что она смогла устоять во всех последующих гонениях. И сколько было мучеников, сколько было праведников, которые страдали за Христа и остались верны Господу. Восхищаюсь его вкладом и посвящением, это была реальная вера. Получил откровение от Бо-

га, пошёл в гущу событий, понимая, через что он пройдёт. Сильно пострадал, трижды был осуждён, отдал свою жизнь за Христа. Знал ли он, что через сто лет после начала его служения в России, миллионы людей будут исповедовать Иисуса Христа Господом и Спасителем. И не только в России, но Белоруссии и Украине. Сегодня по всему миру можно встретить людей, которые говорят о его вкладе, влиянии его веры: в Средней Азии, Европе и Америке. Он посеял себя, умер как семя, чтобы было много плода. Это отзовется в вечности. Иван Воронаев глубочайшей веры и посвящения человек.

Между евангельскими христианами были незначительные различия в форме служения. Например, шмидтовцы¹ не омывали ноги, а воронаевцы омывали ноги перед причастием. Шмидтовцы верили, что нужно молиться умом, а потом исполняться Духом Святым, переходить на иные языки. При Воронаеве могли сразу молиться на иных языках, потом перейти молиться умом. Эти различия со временем сформировали традицию. Но Воронаев не смотрел на эти различия. И не спрашивал никого – шмидтовцы вы или воронаевцы. Шёл ко всем, молился за всех: баптистов, православных, неверующих. Шёл в деревни, где были церкви, и где не было

¹ Христиане веры евангельской из церквей, открытых Восточно-европейской миссией под руководством Густава Шмидта. Густав Шмидт – проповедник, основатель Библейской школы в городе Данциг, редактор журнала «Примиритель».

церквей.

И сформировал сильное братство, организовал съезд и конфессию. Иван Воронаев был не просто талантливым, самородком, он двигался в откровении, служил как апостол и остался бы апостолом для России. Это человек глобально-го мышления, взглядов. Он понимал ценность братства, ценность посвящения, служения Богу, достижения недостижимых.

Вслед за мученической смертью Воронаева многие верующие тоже приняли мученичество в лагерях ГУЛАГа. К делам репрессированных были подшиты карты-рисунки библейской хронологии, в которой не было места Советской власти. Следователи воспринимали это как вещественное доказательство подрывной контрреволюционной работы. За веру нельзя было никого судить, формально свобода вероисповедания в стране была, но осуждали верующих по ст. 58, за контрреволюционную деятельность.

Если смотреть исторический срез – всегда были противники Бога, противники церкви, и во главе противников сам дьявол. Библия говорит, что желающие жить благочестиво, будут гонимы. Гонения были во все времена. Сейчас мы переживаем другую эпоху. Это время вседозволенности, потребления. Когда актуальна поговорка «чем бы дитя не те-

шилось – лишь бы не плакало». В этом больше опасности для общества и церкви. Предпринимается попытка стереть грани духовно-нравственных ценностей, которые скрепляют общество. Сейчас уже никто не воюет против веры, наоборот: «Делай всё, во что веришь, что захочешь». Вот в этом для нас больше опасности. Потому что раньше было всё понятно: если ты принял Христа, ты знаешь, что можешь пострадать, для тебя это стоило карьеры и свободы. Верующие, которые принимали Христа, знали, что могут лишиться детей, государство разрушит их семью в один день. И всё равно люди верили и посвящали себя.

Я помню, сколько раз мои родители прятали книги. У нас была достаточно большая библиотека христианской литературы, песенных сборников. Вместо картин висели пейзажи с цитатами из Священного Писания, их никто не запрещал. Вроде какие-нибудь цветочки нарисованы, а написано «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». В каждом доме я это видел, в каждой семье верующих, никто не боялся и не стыдился.

А сейчас люди пытаются не выделяться из мира. И, возможно, то, что старшее поколение настаивает на традиционных формах служения, так они пытаются уберечь нас от вседозволенности. Они переживают за нас и искренне отстаивают традиции. Надо отдать должное и уважать этих людей.

Я всегда был противником критики старшего поколения. Не понимал и не поддерживал, когда в 90-е годы высмеивали старые формы служения. Достижение российской церкви в преемственности. Бог дал мудрости нашим отцам вместить молодых служителей, поддержать, поделиться опытом и знаниями. Это дало импульс для развития и роста больше, чем отделение.

Помню, как был студентом библейской школы, смотрел на тех, кто поклонялся не так, как я, и не знал, как себя вести, мне было жалко этих людей. Они хлопают, а это же нельзя. Пока мне однажды не пришло обличение в Духе Святом. Обличение в том, что я осуждал их за форму поклонения, а они Богу поклонялись. Я тогда, помню, пришёл в комнату, начал искать места Писания, где о поклонении говорится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.